

Кунейко Алексей Николаевич

соискатель кафедры теории и истории государства
и права
Кубанского государственного университета,
помощник судьи Арбитражного суда
Северо-Кавказского округа

РАЗВИТИЕ НАУКИ ТОРГОВОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В ПРЕДДВЕРИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 60-Х ГГ. XIX В.

Аннотация:

Наука торгового права зародилась в России в самом начале XIX в. в процессе разработки проекта Торгового уложения и изначально включала в состав научные концепции торгового (коммерческого) судоустройства и судопроизводства. Задолго до судебной реформы в рамках торгового процессуального права в «Учреждении коммерческих судов и Уставе их судопроизводства» были выработаны и реализованы принципы буржуазного судоустройства и судопроизводства по торговым делам. Соответственно, судебная реформа 1864 г. не могла внести ничего нового в организацию коммерческих судов и их судопроизводство.

Ключевые слова:

наука торгового права, история науки торгового права, история торгового права, торговое судопроизводство.

Kuneyko Alexei Nikolayevich

PhD applicant, Theory and History of State
and Law Department,
Kuban State University,
Assistant Judge, Commercial Court of
the North Caucasus region

DEVELOPMENT OF COMMERCIAL PROCEDURAL LAW AS A SCIENCE IN ANTICIPATION OF THE JUDICIAL REFORM OF THE 1860-S

Summary:

The science of commercial law originated in Russia in the early 19th century in the course of the Trade Code draft development, and initially it included scientific concepts of the trade (commercial) judicial system and legal proceedings. The basic principles of the bourgeois judicial system and legal proceedings on trade affairs had been developed and implemented in the "Establishment of Commercial Courts and the Charter of Their Legal Proceedings" in the framework of the commercial procedural law long before the judicial reform. Respectively, the judicial reform of 1864 couldn't bring anything essentially new in the organization of commercial courts and their legal proceedings.

Keywords:

commercial law as a science, history of commercial law science, history of commercial law, trade legal proceedings.

В 1860-е гг. наука в области торгового права развивалась преимущественно в рамках официальных законопроектных комиссий. Так, научные идеи в данной сфере продолжают генерироваться при обсуждении проектов уставов о векселях, несостоятельности, разработка которых началась 13.11.1847 г. еще в рамках предложений Д.Н. Блудова о пересмотре торговых уставов. Однако актуальность проблем несостоятельности и вексельного права была отодвинута на второй план.

В ходе подготовки судебной реформы на первый план выступили научные проблемы, связанные с процессуальным торговым правом и коммерческим судоустройством. Отметим, что принцип историзма не позволяет подходить к характеристике торгового права только как материального, исходя из современных позиций. И в законодательстве, и в науке XIX в. торговое право понималось как единое системное образование, включающее нормы материального и процессуального права. Именно поэтому мы полагаем, что невозможно разорвать торговое материальное и торговое процессуальное право в целях настоящей статьи.

Началом коммерческого судоустройства является положение о специальном или специализированном характере коммерческих судов. Однако на бытовом и политологическом уровнях в тот период коммерческий суд воспринимался как сугубо сословный – суд купеческого сословия [1]. Распространению этого мнения способствовало то, что ни о каких принципах судоустройства и судопроизводства в нормативных правовых актах того времени речи не шло. Поэтому концептуальные основания коммерческого судоустройства и судопроизводства можно было вывести только из содержания самих правовых норм, находящихся на уровне специально-научных знаний.

Вряд ли можно согласиться с утверждением видного исследователя судебной реформы и контрреформы в России Б.В. Виленского, что коммерческие суды – это суды «сословной юстиции» [2]. На наш взгляд, сохранение коммерческих судов после судебной реформы не свидетельствует о ее незавершенности в этой части, то есть о сохранении сословной юстиции. Наоборот, их сохранение подтверждает тезис, что коммерческие суды, во-первых, были судами специальной юстиции, а во-вторых, они намного раньше реформы 1864 г. имплементировали в российскую судебную систему принципы состязательного процесса. Представляется, что именно в «Учреждении коммерческих судов (УКС) и Уставе их судопроизводства (УСТ)» оформлена первая в России буржуазная судебная реформа.

И.В. Архипов при исследовании модернизации торгового процесса отмечал сходство принципов коммерческого судоустройства и судопроизводства с современным буржуазным процессом, а также то, что задолго до судебной реформы ее принципы были введены в коммерческих судах. Однако о коммерческом судоустройстве и судопроизводстве как о реформе он не говорил [3]. На наш взгляд, их основные положения, реализованные в «Учреждении коммерческих судов и Уставе их судопроизводства», следует считать первой буржуазной судебной реформой в России, которая не только меняла форму судоустройства и судопроизводства в этой сфере, но и значительно трансформировала их сущность и содержание.

В соответствии со ст. 955 УКС коммерческие суды разрешали имущественные споры «между частными лицами всех состояний». Таким образом, с учетом участия с 1824 г. в торговом обороте практически всех «состояний», выбравших свидетельства на право торговли, никоим образом нельзя считать коммерческие суды судами сословной юрисдикции. Само указание на «торговые дела», которые подлежали рассмотрению в коммерческих судах, подтверждает специальный характер коммерческого судоустройства и судопроизводства.

Подобная трактовка основного предназначения коммерческих судов заложена М.М. Сперанским в ходе деятельности Вексельного комитета. Огромный пласт теоретических идей по вопросам коммерческого судоустройства и судопроизводства отложился в архивном деле «О составлении проектов Уставов о векселях, торговой несостоятельности и о Коммерческих судах» [4].

В материалах соединенных департаментов законов и государственной экономии Государственного Совета по проекту «Учреждения коммерческих судов и Устава их судопроизводства» М.М. Сперанский в качестве базового принципа – «главного начала» – коммерческого процесса отмечал распространение подведомственности коммерческого суда на «дела спорные по торговле и дела по торговой несостоятельности» [5]. То есть сами разработчики реформы четко обозначали не сословный характер юрисдикции коммерческих судов, а специальный.

Только исторические основания появления коммерческих судов позволяют говорить об их генетической связи с судебными органами, рассматривавшими дела купцов. Сами разработчики УКС указывали на разные законодательные акты, регулировавшие деятельность органов «для суда и расправы купецким людям» [6]. Но вряд ли даже Устав о суде таможенном от 26.07.1727 г. [7] можно считать прямым источником УКС, тем более в качестве такового никак нельзя признать Приказ для суда и расправы купецким людям от 22.04.1667 г. [8].

Среди других принципов коммерческого судоустройства и судопроизводства, сформулированных М.М. Сперанским и его соавторами, необходимо отметить следующие: выборность судей коммерческих судов; сочетание состязательных устного и письменного процессов; участие представителей общества в процессе (присяжных попечителей, присяжных стряпчих); отказ от прокурорского надзора (имелся в виду современный разработчикам прокурорский надзор, а по существу административный контроль); сочетание видов судебного разбирательства – «по законам и обычаям торговым» и «примирительного»; исполнение решений «через полицию»; определение только двух инстанций (судебное разбирательство по существу и апелляционное в Сенате); отказ от формальной системы доказательств [9].

Некоторые из этих принципов не сохранились до судебной реформы, другие критиковались за непоследовательность, третьи не были четко выражены. В частности, имела место негативная реакция министра юстиции В.Н. Панина и ряда других государственных чиновников на отказ от прокурорского надзора. Дело тянулось достаточно долго, при этом оппоненты выдвигали различные аргументы. Однако до судебной реформы прокурорский надзор так и не был введен в коммерческих судах в полном объеме, несмотря на то что вопрос был поднят по указанию императора в 1849 г. в связи со злоупотреблениями коммерческого суда по делу Бетхера [10].

Принцип выборности судей и председателей судов очень скоро стал подвергаться критике, так как по сути сопровождался несменяемостью судей. Поэтому к реформе в законодательстве сначала был обоснован, затем и реализован принцип сочетания выборности судей от купечества и назначения судей от правительства [11]. Несменяемость судей в условиях России оказалась не завоеванием независимого от администрации суда, а средством для злоупотребления со стороны самих коммерческих судей от правительства. Показательно, что инициатором отказа от несменяемости председателей и товарищей председателей коммерческих судов выступило одесское купечество, негативно о ней высказывались и консервативно настроенные проправительственные силы.

Основным достижением российской науки в сфере торгового права, реализованным в коммерческом судопроизводстве, стал принцип состязательности. В параграфе 35 УСТ 1832 г. устанавливалось, что дела в коммерческих судах возбуждаются только по жалобам и искам сторон процесса, в параграфе 71 – суд самостоятельно не участвует в сборе доказательств, это была прерогатива сторон. Г.Ф. Шершеневич, однако, полагал, что в подобных судах состязательность

была реализована не в чистом виде [12]. Очевидно, он имел в виду правило параграфа 137 (и соответствующих статей в более поздних редакциях) о том, что суд мог оказывать содействие сторонам в сборе доказательств.

Такой подход к оценке состязательности представляется предвзятым. Например, современные арбитражные и другие суды могут содействовать участникам процесса в сборе доказательств, но это не говорит о том, что начала состязательности реализованы не в чистом виде. Более того, принцип состязательности как таковой не является самоцелью, он лишь направлен на то, чтобы суд действительно судил, а не искал в деле публичный интерес, чтобы интересы сторон не ущемлялись.

В то же время сразу после судебной реформы 1864 г. была поднята проблема конкуренции начал состязательности и выяснения истины по делу. Представляется, что чистые начала состязательности никак не способствуют выяснению даже процессуальной истины, именно поэтому требуется определенный баланс состязательности и процессуальных средств достижения процессуальной истины.

Устность процесса как принцип, противостоящий его письменности, на наш взгляд, также не является самоцелью. Традиционно письменность процесса связывается с инквизиционным, следственным процессом. Однако если реализованы основные положения состязательности, то устность и письменность нельзя серьезно противопоставлять, ведь состязательный процесс не может обходиться без письменной фиксации многих процессуальных действий, доказательств и т. п. Тем не менее в арбитражном, коммерческом процессе устное судоговорение зачастую служит лишь вспомогательным процессуальным средством для пояснения письменных доказательств и позиций сторон.

Письменный порядок судопроизводства в коммерческих судах состоял в обмене документами (исками, ответами на них, возражениями на ответы, опровержениями возражений и др.), мог сопровождаться устными пояснениями участников с единственным ограничением – запретом представлять новые дополнительные доказательства. Поэтому сочетание «словесной расправы» и письменной процедуры, выбираемых по инициативе истца, на наш взгляд, максимально расширяло процессуальные возможности сторон с учетом их интересов.

Попутно отметим, что обмен документами затем составил основу предварительной письменной подготовки дела по «Уставу гражданского судопроизводства» (УГС) (ст. 312). Одно это наталкивает на мысль о том, что общий порядок судопроизводства по УГС лишь модифицировал и развивал положения коммерческого судопроизводства задолго до так называемой «судебной реформы». На наш взгляд, именно учреждение коммерческих судов и устав их судопроизводства стали формальным выражением первой буржуазной судебной реформы, поскольку именно они впервые ввели в российское процессуальное законодательство принципы гражданского процесса, которые в 1864 г. были лишь продублированы.

«Словесная расправа», то есть рассмотрение дела в устном порядке, путем прямого содействия сторон, являлась основной формой процесса, в то время как письменная процедура была исключением из правил. Таким образом, сочетание устного и письменного процессов, которое оценивалось исследователями как «осторожность» М.М. Сперанского [13], критикуемого в ходе реформы за непоследовательность, на деле оказалось практически необходимым и целесообразным.

Формальная система оценки доказательств – бич дореформенного процесса – в коммерческих судах фактически не действовала. Пусть и с оговорками, но ее следует считать логической. Разумеется, в ней были и отголоски формальной системы доказательств. В этом плане УГС 1864 г. был на шаг впереди. Однако с учетом того, что УСТ допускал возможность дополнительного применения общих гражданско-правовых и процессуальных норм, его недостатки без существенного изменения могли восполняться положениями УГС. Следовательно, и в этом вопросе можно было обойтись без пересмотра законодательства о торговом судопроизводстве. В целом УСТ давал сторонам и суду такие возможности, которых не было даже в пореформенных общих судебных местах, особенно по скорейшему разрешению дел.

Следует отметить исключительность идеи самостоятельного процессуального кодекса для коммерческих судов. Ни во Франции, ни в Германии, ни в Италии – первопроходцах самостоятельной коммерческой юстиции – таких документов не существовало. Например, дела в коммерческих судах Франции рассматривались по общему гражданско-процессуальному кодексу. На наш взгляд, при подготовке к судебной реформе этот факт был еще одним аргументом «отцов судебной реформы» против самостоятельного коммерческого судопроизводства.

Судебная реформа не затронула коммерческие суды и их судопроизводство. В ст. 2 «Учреждения судебных установлений» прямо говорилось о том, что его положения не распространяются на коммерческие суды, а в ст. 28 «Устава гражданского судопроизводства» разграничена подсудность коммерческих судов и общих судебных мест по торговым спорам.

Представляется, что одной из ключевых причин, по которым при разработке судебной реформы не были затронуты коммерческие суды, является тот факт, что и принципы реформы, и российские коммерческие суды имели один источник – организацию судебной власти во Франции. Именно на такой вывод наталкивает статья в официальном издании Министерства юстиции, посвященная французским коммерческим судам [14]. Если во Франции они работали достаточно успешно параллельно с общими судебными местами, то почему бы этот опыт не перенять России? Единственным камнем преткновения могло быть обстоятельство, что во Франции коммерческие суды действовали на основании общего гражданского процессуального кодекса.

Таким образом, еще в ходе работы Вексельного комитета под руководством М.М. Сперанского в 1827–1832 гг. в «Учреждении коммерческих судов и Уставе их судопроизводства» подготовлены и реализованы теоретические основания торгового судопроизводства и судопроизводства, которые принципиально не противоречили положениям будущей судебной реформы 1864 г. Именно поэтому коммерческие суды впоследствии были сохранены и все попытки их ликвидации не увенчались успехом вплоть до 1917 г.

Ссылки и примечания:

1. Колокол. 1862. 15 нояб.
2. Российское законодательство X–XX вв. Т. 8. Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский ; под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1991. С. 83.
3. Архипов И.В. Коммерческое судопроизводство и судопроизводство России в XIX в. Саратов, 1999. С. 22–32, 90–105.
4. РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 39.
5. Там же. Л. 150.
6. Там же. Л. 130 об.
7. Об отпуске содержащихся в Москве и у города Архангельского чужестранных купцов для их выправок в Санкт-Петербурге в Доимочную Канцелярию, о взыскании просрочки по векселям по шести процентов на год и о таможенном суде по словесным прошениям, а не челобитным : [Указ] 26 августа 1727 г. Сенатский вследствие именного, состоявшегося в Верховном Тайном Совете 4 июля // ПСЗ РИ. Собрание I. Т. 7, № 5145.
8. Новоторговый устав // Там же. Т. 1, № 408.
9. РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 39. Л. 144 об. – 154.
10. Там же. 1849 г. Ед. хр. 65. Л. 1–53 об.
11. О выборе в коммерческие суды Одесский, Таганрогский, Керченский и Измаильский председателей и старших членов через каждые четыре года. Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 1 янв. 1851 г. // ПСЗ РИ. Собрание II. Т. XXXI, № 24786. И.В. Архипов при этом ошибочно ссылается на архивное дело, хранящееся в РГИА (Ф. 1261. Оп. 1. 1849 г. Ед. хр. 65). Однако оно посвящено исключительно вопросу о введении прокурорского надзора в коммерческих судах. Объяснить это можно лишь опiskeй, так как следующий фрагмент в изложении посвящен проблемам прокурорского надзора. См.: Архипов И.В. Указ. соч. С. 28. Мы обнаружили дело, в котором действительно ставится вопрос о распространении срочности полномочий (на 4 года) председателя и членов коммерческого суда Донского войска по аналогии с таким порядком в коммерческих судах юга России: в Одессе, Таганроге, Керчи, Измаиле. См.: РГИА. Ф. 1261. Оп. 2. 1853 г. Ед. хр. 38. Само дело о введении срочности полномочий председателей и членов коммерческих судов см.: Там же. Оп. 1. 1850 г. Ед. хр. 32. Л. 1–40.
12. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. IV. М., 1912. С. 43.
13. Архипов И.В. Указ. соч. С. 94–95.
14. Парижский коммерческий суд и устройство коммерческих судов во Франции // Журнал Министерства юстиции. 1862. № 11. С. 459–462.

References:

- Arhipov, IV 1999, *Commercial Russian judicial system and legal proceedings in the XIX century*, Saratov, pp. 22-32, 90-105, (in Russian).
- Shershenevich, GF 1912, *The course of commercial law*, vol. IV, Moscow, p. 43, (in Russian).
- 'The Paris Commercial Court and the device commercial courts in France' 1862, *Journal of the Ministry of Justice*, no. 11, pp. 459-462, (in Russian).
- Vilenskiy, BV & Chistyakov, OI (eds.) 1991, *The Russian legislation X-XX centuries*, vol. 8, *Judicial Reform*, Moscow, p. 83, (in Russian).